

ЕВРИПИД

ВАКХАНКИ

Перевёл с древнегреческого Вланес

ДИОНИС

Сын Зевса, Дионис, пришёл я в эти Фивы.
Мне матерью была дочь Кадмова, Семела,
ей чрево отворил огонь молниеносный.
Обличье божества сменив на смертный образ,
я к Дирке подошёл и бурному Исмену. 5
Здесь мать моя лежит, от молнии погибнув,
а вот и дом её, в руины обращённый,
от Зевсова огня он всё ещё дымится,
на мать мою вовек не гаснет ярость Геры.
А Кадма я хвалю за то, что он гробницу 10
и землю освятил. Я всё кругом украсил
обильем сочных лоз и полновесных гроздьев.
От золота полей ливийцев и фригийцев,
от выжженной земли, принадлежащей персам,
и от бактрийских стен, и от мидийцев грозных 15
шагал я по садам Аравии цветущей,
всю Азию прошёл до самой бездны моря,
шумящей у земли, где варвары и греки
смешались в городах, под сенью дивных башен.
Там пляски начал я, установил обряды, 20
а уж потом дошёл до эллинских владений,
божественность мою доказывая смертным.
Элладу посетив, сначала я все Фивы
экстазом поразил, дал женщинам небриды
и каждой – гибкий тирс, плющом обвитый плотно. 25
А тётушки мои – уж эти бы молчали! –
сказали, что не Зевс родитель Диониса,
но некий человек Семелу обесчестил,
а хитроумный Кадм уже потом придумал,
что это сделал Зевс, и тот убил Семелу 30
за ложную хвалу измышленной любовью.
Я так рассвирепел, что выгнал их из дома
и разума лишил! Они в горах блуждают,
одеты для моих неистовых обрядов!
Потом я из домов прогнал и всех кадмеек, 35
они теперь сидят одной большой толпою
с наказанными мной наследницами Кадма,
без крова, на камнях, в тени зелёных елей!
Обязан воспринять непосвящённый город,
хоть и противясь мне, обряды вакханалий, 40
а также осознать, что мать моя, Семела,
от Зевса родила доподлинного бога!
Правитель Кадм решил, уже больной и старый,

что внук его, Пенфей, возглавит государство.
 Тот борется со мной, а я не получаю 45
 ни благостных молитв, ни винных возлияний.
 Я докажу ему, а также всем фиванцам,
 божественность мою и, потрудясь на славу,
 в другие города немедленно направлюсь,
 являя там себя! Но если люд фиванский 50
 разгневанным копьём вакханок с гор прогонит,
 весь мир я захлестну безумьем этих женщин!
 Для этого я стал обычным человеком
 и отягчил себя природой преходящей.
 Эй, варварки мои, бежавшие из Тмола, 55
 лидийского гнезда, рокочущей толпою,
 желая мне служить! Эй, верные подруги!
 Берите поскорей фригийские тимпаны,
 которые я сам и мать наша Рея
 для вас изобрели! Замкните дом Пенфея 60
 в шумящее кольцо, будите Кадмов город!
 А я пока пойду в ущелья Киферона
 и буду танцевать с вакханками моими!

ХОР

Я из Азии шагаю,
 покидая Тмол священный, 65
 чтобы Бромия прославить
 увлекательной работой,
 выкликая имя Вакха!
 Кто в дороге? Кто в дороге?
 Кто за дверью? Пусть выходит,
 рот сомкнув благоговейно! 70
 Как устроено навеки,
 Диониса я восславлю!

Счастлив тот, кто благолепно
 познаёт обряды божьи,
 кто живёт безвинной жизнью,
 всей душою предаваясь 75
 на горах восторгам Вакха,
 очищениям сокровенным,
 и творит обряд законный
 вечной Матери-Кибелы,
 потрясая гибким тирсом 80
 над венками плющевыми,
 восхваляя Диониса!
 Эй, вакханки! Эй, вакханки!
 Бога Бромия ведите,
 сына бога, Диониса, 85
 с гор фригийских в град Эллады,
 где простор для хороводов!

Бромий матерью несчастной был исторгнут в ранних муках! Огневом оружием Зевса	90
был он вызволен из чрева, мать же вспыхнула, погибла под ударом громозвучным! Зевс-Кронид, приняв ребёнка в той же комнате родильной,	95
застегнул бедро тугое на булавки золотые, чтобы сына скрыть от Геры! Как того хотели Мойры, бог родился волорогий,	100
он венок змеиный носит, оттого менады в косы диких змей себе вплетают!	
Фивы, приют Семелы, свежим плющом венчайтесь!	105
Полнитесь, прорастайте зеленоплодным тисом! Рвите под гимны Вакха ветви с дубов и елей,	110
стягивайте небриды пряжами белой шерсти, хлёсткий кропите нартекс, неукротимый посох, чтобы земля плясала и поднимался в гору	115
Бромий с толпою женщин, от челноков и кросен созванных Дионисом!	
Тайный приют куретов, камни благого Крита, родина бога Зевса!	120
В этих пещерах обруч, стянутый плотной кожей, гордонося три гребня, выдумали корибанты и под фригийский танец Матери-Рее дали, чтобы пьянить вакханок!	125
Бешеные сатиры в дар от богини взяли звонкий тимпан для плясок, плещущих раз в три года, к радости Диониса!	130

Как он прекрасен, когда, отделившись 135
 от распалённой толпы посвящённых,
 падает навзничь, в заветной небриде,
 бешено жаждая крови козлиной,
 мяса сырого, и в горы фригийцев,
 к долам лидийским душой улета, 140
 наш предводитель, наш Бромий великий!
 Эво́з!
 Ныне земля молоком истекает,
 брызжет вином и бурлит нектаром!
 Вакх, поднимая багряное пламя,
 факел сосновый, который дымится 145
 так же душисто, как ладан сирийский,
 мечется с нартексом и возбуждает
 бегом своим и раскованным танцем
 всех, кто ему попадётся навстречу,
 криком истошным взрывая им сердце,
 пышные локоны в небе купая! 150
 Глушит он голосом рёв славословий:
 «Быстро, вакханки!
 Быстро, вакханки,
 роскошь текущего золотом Тмола!
 Пойте скорее хвалу Дионису 155
 под рокотание тяжких тимпанов!
 Пусть «эво́з» для эвийского бога
 грянет над стоном и криком фригийцев!
 Лотос чудесно поющий, священный 160
 пусть выдувает священные гулы,
 на́ гору, на́ гору вас подгоняя!»
 И, как жеребчик под боком у матки, 165
 скачет, резвится хмельная вакханка!

ТИРЕСИЙ

Эй, кто там у ворот? Зови скорей мне Кадма! 170
 Где друг Агенорид? Он свой Сидон покинул
 и укрепил стеной фиванский этот город.
 Пусть кто-нибудь пойдёт и скажет, что Тиресий
 пришёл и ждёт его! Зачем, ему известно!
 Я немощный старик, а он ещё дряхлее, 175
 но тирсы мы возьмём, оденемся в небриды
 и скроем седину венками плющевыми!

КАДМ

Мой драгоценный друг! Я голос твой услышал
 и мудреца узнал по мудрым восклицаньям!
 Охотно я спешу, в божественном наряде! 180
 Пускай же Дионис прославится навеки,
 сын дочери моей, сошедший к нам на землю!
 Послужим божеству, насколько в наших силах!
 Где нужно танцевать? Куда поставить ногу?

	Как сединой тряхи? Скажи, старик Тиресий, другому старику! Я знаю, ты ведь мудрый! Я буду день и ночь стучать о землю тирсом и не утрачу сил! Мы радостно забудем о прожитых годах! Тир. Я тоже так считаю! Я снова молодой, по пляскам тело ноет!	185
Кадм	А мы поедem, друг, на колеснице в гору?	190
Тир.	Нельзя! Так новый бог получит меньше чести!	
Кадм	Ну что ж! Один старик потащит вверх другого!	
Тир.	Сам бог нас поведёт, свободно, без усилий!	
Кадм	Из горожан лишь мы попляшем ради Вакха?	195
Тир.	Лишь мы в своём уме, все прочие безумны!	
Кадм	Тогда чего мы ждём? Протягивай мне руку!	
Тир.	Сплети, соедини дрожащие ладони!	
Кадм	Я, смертный человек, богов не презираю!	
Тир.	Я тоже не мудрю над божьими делами! Обычаи отцов, ровесники столетий, в наследье нам даны. Их не достичь ни слову, ни острию ума, хоть самого живого!	200
Кадм	Наверно, скажут мне, что я старик бесстыжий, с плющом на голове пускающийся в танец?	205
Тир.	А богу всё равно, кто молодой, кто старый! Он всех кидает в пляс, он в каждом сердце дышит и ждёт от всех людей, от всех без исключения, обрядов и молитв, чтоб возрастать во славе!	
Кадм	Поскольку этот свет не видишь ты, Тиресий, приходится и мне провидцем поработать. Подходит ко дворцу Пенфей, сын Эхиона, которого я здесь правителем поставил! Как он разгорячён! Что нового расскажет?	210

ПЕНФЕЙ

	Я в ближнем царстве был, и вдруг мне сообщают, что небывалым злом охвачен этот город, что матери семей сбегают прочь из дома и скачут по горам, играя роль вакханок в густой тени лесов, и бога Диониса, какого-то лжеца, безумной пляской славят!	215
	Они сидят рядком, и льют вино в кратёры, и в тёмные кусты по очереди ходят, чтоб услаждать мужчин. Мол, это жертва богу! Извольте понимать! Они теперь менады!	220
	Но там, увы, не Вакх, а только Афродита!	225
	Кого поймать я смог, тем преданные слуги надели кандалы и заперли в темнице, а тех, кого здесь нет, я на горах настигну — Инó, Агаву-мать, супругу Эхиона, и Актеона мать (сестру их, Автоною)!	230
	Их крепко обвязав железными цепями, я мигom прекращу поганое распутство!	

	Явился, говорят, какой-то чужеземец, развратник и колдун, из области лидийской, светловолосый маг с душистыми кудрями, лицо горит вином, красив как Афродита. Он девушек зовёт, и бродит с ними вместе, и учит их своим вакхическим обрядам, но если я его поймаю в этом царстве, он тирсом не взмахнёт и не потряхнёт кудрями – я голову ему без лишних слов отрежу! Себя он объявил бессмертным Дионисом, который был в бедре Зевесовом застёгнут – но тот и сам сгорел, и мать его сгорела за то, что соврала о связи с нею Зевса! Кто станет возражать, что за такую наглость, кем ни был бы чужак, он заслужил удавку? Но вижу я теперь совсем другое чудо! Тиресий предо мной, в пестреющей небриде, а дед мой, старый сыч, сорвал длиннющий нартекс и пляшет! Эй, старик! Почтенный человеке! Никак я не пойму! Ты что, совсем рехнулся? Бросай-ка этот плющ! И выпусти скорее из рук нелепый тирс! Ты ведь мой дед! Не помнишь? Тиресий, это ты его сбиваешь с толку! Ты общество людей тревожишь новым богом, чтоб пялиться на птиц и жертвы жечь за деньги! Когда бы седина тебя не защищала, сидел бы ты в тюрьме, среди своих вакханок, за подлый свой обряд! И если столько женщин тягучий сок лозы впивают на пирушках, то таинства твои, бесспорно, нездоровы! Невежа! Ты не чтишь ни божество, ни Кадма, посеявшего тут народ свой землеродный! Ты что, Эхионид? Свою семью бесчестишь? Когда мудрец найдёт хорошую основу для помыслов своих, то речь его прекрасна. Ты вертишь языком как человек разумный, но в этих словесах я разума не слышу. Негоден гражданин, который гневом крепок и рвётся в битву слов, не научившись думать. Вот этот новый бог, над коим ты глумишься, – сказать я не могу, какой во всей Элладе получит он почёт! Есть, юноша, у смертных два главных божества: Деметра или Гея (ты можешь ей давать какое хочешь имя, она питает нас простой и твёрдой пищей) и вот, Семелин сын, явившийся позднее, неся нам сок лозы, подарок равноценный, который лечит боль несчастных людей, напитывая дух потоком виноградным и разбавляя сном вседневные заботы, –	235 240 245 250 255 260 265 270 275 280
Хор		
Тир.		

	иного средства нет от наших злословий.	
	Он сам, в одном лице и бог, и возлиянье,	
	мы льём его богам, прося у них защиты.	285
	Смеёшься ты над тем, что он в бедре у Зевса	
	защит был? Но пойми, как это всё разумно!	
	Ребёночка достав из пекла громового,	
	Зевс поднял на Олимп спасённого им бога,	
	но Гера собралась его с небес низвергнуть,	290
	а Зевс, блеснув умом, перехитрил супругу.	
	Ломоть эфира взяв, объёмлющего землю,	
	он из него слепил подобье Диониса	
	и Гере, кончив спор, в заложники оставил,	
	а люди уж потом значение поменяли,	295
	мол, в Зевсовом бедре младенец был <i>заложен</i> ,	
	а Дионис-то был <i>заложником</i> у Геры.	
	С рожденья этот бог – великий прорицатель,	
	являющий свой дар в обрядах иступлённых.	
	Необоримый бог заходит в наше тело	300
	и покоряет нас, к вещанью побуждая.	
	Воспринял он в себя и нечто от Ареса.	
	Бывает, что бойцы в строю, во всеоружье,	
	копьем не шевельнув, рассеются от страха,	
	а этот жуткий страх навеян Дионисом!	305
	Ещё увидишь ты, как в Дельфах, на двуглавом	
	извилистом плато он с факелами скачет,	
	и хлещет, и трясёт вакхической ветвью	
	над эллинской землёй! Пенфей! Молю, послушай!	
	Не хвастай, что лишь царь людьми повелевает,	310
	не принимай за ум недужные решения!	
	Ты бога пропусти в свою родную землю,	
	вино ему возлей, венком украсься в танце!	
	Да разве Дионис принудит наших женщин	
	к распущенной любви, когда сама природа	315
	удерживает их в пределах благочестья?	
	Подумай вот о чём: и в гуще вакханалий	
	невинная душа развращена не будет.	
	Понятно? Ты же рад, когда у входа в город	
	народная толпа поёт хвалу Пенфею, –	320
	а разве божеству не мило поклоненье?	
	Мы с Кадмом дорогим, осмеянным тобою,	
	украсимся плющом, начнём весёлый танец!	
	Мы хоть и старики, но что ж теперь? Попляшем!	
	Не склонишь ты меня к непочитанью бога.	325
	Безумен ты, родной. Тут зелья не помогут.	
	Наверное, сынок, ты зельем и опоен!	
Хор	Речами ты, старик, не принижаешь Феба!	
	И Бромия ты чтишь, а это очень мудро!	
Кадм	Как правильно, сынок, тебя учил Тиресий!	330
	Останься среди нас, не нарушай законов!	
	Порхаешь ты умом, безумьем ищешь мудрость.	

	Пусть юноша не бог, как ты нам заявляешь, а ты скажи, что бог, солги для большей пользы!	
	Пусть люди говорят, что бог рождён Семелой, так роду твоему и нам прибудет чести!	335
	Ты помнишь тяжкий рок и гибель Актеона, как бешеные псы, которых он взлелеял, пожрали плоть его? Он хвастал на полянах, что он как зверолов искусней Артемиды!	340
Пенф.	Остерегись беды! Надень венок зелёный, сплетённый из плюща! Славь бога вместе с нами! Прочь руки от меня! Давай! Иди, беснуйся! Безумием своим ты тут меня не пачкай! Твой новый властелин, учитель безрассудства, заплатит мне за всё! Эй, кто-нибудь! Скорее беги в дом старика, где слушает он пташек, всё ломом сокруши, устрой там полный хаос, переверни столы, венки же и гирлянды из окон побросай ветрам и ураганам – я так всего больней гадателя израню!	345
	А вы, мои рабы, по городу пройдите, узнайте, где сидит чужак женоподобный, терзая женский пол невиданной болезнью!	
	Негодника поймав, сюда его ведите в оковах и цепях! Побьём его камнями!	355
Тир.	Попробует он желчь фиванских вакханалий! Приди в себя, наглец! Ты что собрался делать? Ты безрассудным был, теперь же стал безумным! Идём отсюда, Каdm! Попросим вместе бога, чтоб не казнил его, хотя он и взбесился, и город заслоним от страшного несчастья! Иди со мною, друг! Неси свой тирс как посох! Насколько хватит сил, друг друга мы поддержим! Доверимся судьбе! Двум старцам стыдно падать! Нам нужно послужить для Вакха, сына Зевса!	360
	Ты, Каdm, остерегись, чтоб не принёс печали в твою семью Пенфей! Прошу не как вещатель, а просто как твой друг, заболтанный болваном.	365
Хор	Благочинность, мать бессмертных! Благочинность, ты всю землю золотым крылом ласкаешь!	370
	Ты слыхала речь Пенфея, как был дерзостно унижен дивный Бромий, сын Семелы, первый бог среди блаженных на пирах дивновенчаных?	375
	Вот что делать он умеет – возглавляет хороводы, веселит нас чудной флейтой, прекращает наши беды,	380

озаряя спелой гроздью
пир людей во славу неба,
изливая из кратёра
сон для плющеносных смертных!

385

Необузданному слову,
беззаконному безумству
лишь один конец – несчастье,
а покой разумной жизни,
благочинное мышление
так прочны, что сберегают
наши семьи, потому что
боги хоть живут в эфире,
но дела людские видят.
Игры разума – не мудрость.
Мысль, не свойственная смертным,
сокращает время жизни.
Нужно ли в мечтах великих
забывать о том, что рядом?
Так ведут себя безумцы,
жертвы глупых наставлений!

390
395
400

На Кипр уехать нужно,
на остров Афродиты,
где водятся Эроты,
чарующие сердце!
Уехать бы на Пафос,
к стоустному потоку
чужой реки бездождной,
а то и в Пиерію,
обитель Муз прекрасных,
на статный склон Олимпа!
Веди нас, Бромий, Бромий,
вакханок вождь эвийский!
Там Потос, и Хариты,
и шум законных оргий!

405
410
415

Великий бог, сын Зевса,
пирами чтит Эйрену,
дарительницу счастья,
кормящую младенцев.
И бедных, и богатых
он поит в равной мере
забвением печалей.
А кто не веселится
ни ясным днём, ни ночью,
тот богу ненавистен,
поскольку бог не любит
людей излишне мудрых.
Что просто и полезно,
то мне и нужно в жизни.

420
425
430

СЛУГА

Пенфей, а вот и мы! Идём сюда с добычей!
 За нею посылал ты нас не понапрасну! 435
 Зверь смиренно вёл себя, не пробовал спастись,
 но дал себя связать, вложил в оковы руки,
 и винный цвет щеки не побледнел нисколько.
 Мы повели его, а он лишь улыбался
 и слушался меня, труды мне облегчая. 440
 Неловко стало мне. Сказал я: «Чужестранец,
 моей тут воли нет. На мне приказ Пенфея.»
 Вакханки же твои, которых мы сковали
 в общественной тюрьме, уже освободились
 и, цепи побросав, сбежали на поляны, 445
 танцуя, и резвясь, и к Бромии взывая.
 Оковы на ногах вдруг сами разломились,
 открылись и замки без нашего участия!
 Чудесный человек явился в наши Фивы.
 Я выполнил приказ. О прочем сам заботься! 450
 Пенф. Снять путы с рук его! Сетями он уловлен,
 поэтому никак не улизнёт отсюда!
 Ты не уродлив, гость! Я понимаю женщин!
 Ты, видно, ради них и появился в Фивы!
 Как волосы длинные! В палестру так не сходишь! 455
 Вон, вьются по щекам и расточают негу!
 А кожа у тебя, конечно, стала белой
 затем, что по лесам, а не на ярком солнце
 своею красотой ты ловишь Афродиту!
 Начнём же наш допрос. Ты где на свет родился? 460
 Дион. Хвалиться нечем тут, и дать ответ несложно.
 Ты, может быть, слыхал о цветоносном Тмоле?
 Пенф. Слыхал. Тугим кольцом он стиснул город Сарды.
 Дион. Оттуда я пришёл. А родом я лидиец.
 Пенф. Зачем же свой обряд приносишь ты в Элладу? 465
 Дион. Сын Зевса, Дионис, призвал меня к служенью.
 Пенф. У вас какой-то Зевс богов рождает новых?
 Дион. Ничуть. Всё тот же Зевс, возлюбленный Семелы.
 Пенф. Бог ночью или днём тебе вселился в душу?
 Дион. Он мне лицом к лицу поведал тайны оргий. 470
 Пенф. А оргии твои, они на что похожи?
 Дион. Нельзя об этом знать непосвящённым людям.
 Пенф. Какая же от них для жертвующих польза?
 Дион. То тайна для тебя, хоть знать её и стоит.
 Пенф. Речь ловко ты повёл, чтоб я желал послушать! 475
 Дион. Обряды божества не терпят нечестивцев.
 Пенф. На бога ты глядел. Какой же он? Расскажешь?
 Дион. Он был, каким хотел. Ему я не указчик.
 Пенф. Как ловко ты опять ответа избегаешь!
 Дион. Разумные слова глупы в ушах невежды. 480
 Пенф. Ты прямо к нам пришёл учить об этом боге?
 Дион. Все варвары давно на оргиях танцуют.

Пенф.	Во много раз они нас, эллинов, глупее.	
Дион.	Нет, в чём-то и умней. Другие там законы.	
Пенф.	А ночью или днём ты оргии справляешь?	485
Дион.	Обычно по ночам. Есть ночью величавость.	
Пенф.	Нет! Хитрость и порок для растлеванья женщин!	
Дион.	Постыдное и днём найти не очень сложно.	
Пенф.	Твой мерзостный разврат отведает закона!	
Дион.	Ты сам его испей, невежда и безбожник!	490
Пенф.	Ну и наглец вакхант! И как язык подвешен!	
Дион.	Скажи, что будет мне. Какое наказание?	
Пенф.	Я волосы твои роскошные обрежу.	
Дион.	Священные они! Я их ращу для бога!	
Пенф.	В руках ты держишь тирс. Отдай его немедленно!	495
Дион.	Попробуй сам отнять! Он – символ Диониса.	
Пенф.	Запру тебя в тюрьме, к дверям приставлю стражу.	
Дион.	Бог выпустит меня, как только пожелаю.	
Пенф.	Вот и зови его среди своих вакханок!	
Дион.	Он смотрит и сейчас на все мои страдания.	500
Пенф.	И где же этот бог? Я что-то не примечу!	
Дион.	Он там же, где и я. Как слеп ты, нечестивец!	
Пенф.	Схватить его скорей! Он враг и мне, и Фивам!	
Дион.	Не смей меня вязать! Очнитесь, недоумки!	
Пенф.	Вяжите, говорю! Моей тут больше власти!	505
Дион.	Не знаешь ты, как жить! И кто ты сам, не знаешь!	
Пенф.	Пенфей, Агавы сын и семя Эхиона!	
Дион.	Ты с именем таким не избежишь несчастья!	
Пенф.	Ну всё! Закрыть его у самых конских яслей!	
	Пускай густая тьма в глаза ему нальётся!	510
	Вон там и попляши! А всех твоих служанок, тут сеющих разврат, мы продадим на рынке!	
	Я сам их отучу шуметь и бить по шкурам, у кросен рассажу, и жизнь их станет рабской!	
Дион.	Ну что же, я готов. Ничто не происходит наперекор судьбе. Тебя за всё накажет великий Дионис, хотя ты и не веришь, в тюрьму бросаю нас, что оскорбляешь бога!	515
Хор	Госпожа, дочь Ахелоя, восхитительная Дирка!	520
	Ты в свои густые струи принимала сына Зевса.	
	Бог в бедро зашил младенца, обокрав огонь бессмертный,	525
	и вскричал: «В мужское чрево, Дифирамб, иди скорее!	
	Я тебя отправлю в Фивы, где ты будешь зваться Вакхом!»	
	Что же, благостная Дирка, ты отталкиваешь толпы, обрамлённые венками?	530

Что уходишь? Я ручаюсь
наслажденьем сочной гроздьёю
и лозою Диониса –
Бромий свидится с тобою!

535

Что за бешенство такое!
Как похож Пенфей на предка,
на подземного дракона,
от которого родился
Эхион ваш землеродный!
Нет, не царь, а зверь свирепый,
великан богопротивный
скоро руки мне повяжет
из-за Бромия благого!
Он уже в темнице запер
моего большого друга,
в непроглядном полумраке!
Дионис, рождённый Зевсом,
видишь, как твои служанки
воспротивились насилью?
Господин! Сойди с Олимпа,
порази лучистым тирсом
кровожадного злодея!

540
545
550
555

Где на Нисе звероводной
тирсом ты заводишь пляски,
Дионис? Куда ты бродишь
по вершинам корикийским,
на Олимпе многодревном?
Там Орфей бряцал кифарой,
и сближал деревья песней,
и манил животных диких!
Пиерия, край счастливый!
Скоро Эвий твой прибудет
в танце диких вакханалий!
Через Аксий быстроводный
рой кружащихся вакханок
он помчит и через Лидий,
подающий людям счастье
как отец и благодетель
и, я слышала, поящий
их коней лучистой влагой!

560
565
570
575

Дион. Иó!
 Услышьте меня! Услышьте меня!

Хор Вакханки мои! Вакханки мои!
 Что это за крик? Откуда меня
 Наш Эвий, наш бог, так звучно зовёт?

Дион. Иó! Ио! Опять я кричу,
 сын Зевса-отца, Семелы дитя!

580

Хор	Ио! Ио! Ты где, господин? Приди, появись! Наш Бромий, наш бог! О Бромий благой!	
Дион.	Встряхни земную твердь, почтенное Землетрясенье!	585
Хор	А! А! Пенфеев дворец вот-вот задрожит, вот-вот упадёт! Внутри Дионис!	
—	Молитесь ему! — Мы молимся, да! Вот камни летят с высоких колонн, вот брусья ползут! Наш Бромий пришёл! Он громко кричит под кровлей дворца!	590
Дион.	Вздыхни, воспламенись, блистающий громами светоч! Сожги, сожги дотла дворец надменного Пенфея!	595
Хор	А! А! Ты видишь пожар? Как искры огня божественный гроб Семелы грызут! Гром Зевса на нём искрится, блестит свирепым лучом! Вы падайте ниц! Вы падайте ниц, менады мои! Сын Зевса, наш бог, сейчас подойдёт и в груды камней дворец превратит!	600
Дион.	Варварки, да неужели так истерзаны вы страхом, что попадали на землю? Вы почувствовали Вакха, как он рушит кров Пенфея? Эй, скорее поднимайтесь! Надо мужества набраться и прогнать из тела трепет!	605
Хор	Величайшее светило наших звучных вакханалий, как мы рады нашей встрече! Как здесь пусто и уныло!	
Дион.	Вы совсем поникли духом, зная, что меня уводят, что я скоро буду брошен в чёрную тюрьму Пенфея?	610
Хор	Как иначе? Кто спасёт нас, если зло тебя постигнет? Как же ты освободился после спора с нечестивцем?	
Дион.	А я просто взял и вышел, без малейшего усилия!	
Хор	Но тебе связал он руки неразрывными узлами!	615
Дион.	Это я над ним смеялся. Веря, что меня он вяжет, он меня не тронул вовсе, лишь питал мечты пустые! Он быка нашёл у яслей, где хотел меня неволить, и ему набросил петли на колени, на копыта, тяжело дыша от гнева, весь испариной покрывшись и себе кусая губы — я же был неподалёку, молча сидя, наблюдая. В это время Вакх явился, дом сотряс, раскинул пламя по гробнице материнской. Царь увидел и подумал, что дворец его пылает, заметался, загорланил, чтоб тащили Ахелоя!	620
	Все рабы засуетились над работой бесполезной. Вскоре он угомонился, посчитав меня сбежавшим, чёрный меч из ножен вырвал и пропал в покоях дома. Тут мне кажется, что Бромий (это лишь моё суждение)	625

	во дворе мой призрак создал. Мигом царь к нему метнулся, меч вонзая в ясный воздух, искромсать меня желая!	630
	Кроме этого доставил Вакх ему другие беды – бог на землю дом обрушил, уничтожил совершенно!	
	Царь почувствовал всю горечь уз моих невыносимых, бросил меч, совсем поникнул. Зря пытался этот смертный завязать сражение с богом! Я же вышел преспокойно	635
	из дворца и к вам явился. До Пенфея нет мне дела! Скоро, как я понимаю (башмаки стучат за дверью), выйдет он во двор из дома. Интересно, что он скажет?	
	Я его легко сломаю. Пусть кричит и гневом пышет, мудрецу же подобает оставаться хладнокровным!	640
Пенф.	Беда-то! Вот беда! Сбежал мой чужестранец, а только что был весь верёвками обвязан!	
	А! А!	
	Кто этот человек? Что это происходит?	645
	Как вышел ты во двор? Как встал у самой двери?	
Дион.	Спокойно, не вопи! Смири порывы гнева!	
Пенф.	Как выпутался ты? Как выскочил наружу?	
Дион.	Я, помнишь, говорил, что руки мне развяжут?	
Пенф.	Да кто же, боже мой? Ты снова вздор городишь!	650
Дион.	Кто поит всех людей лозою многогрозной.	
Пенф.	<Ты от своей лозы совсем ума лишился!>	
Дион.	Упрёк твой прозвучал во благо Дионису!	
Пенф.	Эй! В стенах городских закройте все ворота!	
Дион.	Зачем же? Разве бог не перепрыгнет стену?	
Пенф.	Гляди, как ты умён! Да всё не там, где нужно!	655
Дион.	Ничуть. Умён я там, где ум всего нужнее. Вон человек идёт, а ты его послушай, спустился он с горы, неся тебе известье. А я тут постою и никуда не денусь.	
ВЕСТНИК		
	Пенфей, великий царь земли своей фиванской!	660
	Я бросился к тебе, покинув Киферон, где чистый белый снег не прекращает падать.	
Пенф.	Зачем ты прибежал? Что нового стряслось?	
Вест.	Вакханок я видал. Как пары белых копий мелькали ноги их, отсюда уносясь.	665
	Иду сказать я, царь, тебе и горожанам о странных чудесах превыше всех чудес!	
	Я только знать хочу: мне нужно ль побережься и парус языка немного подобрать?	
	Порывистый твой нрав страшит меня, властитель, уж больно ты гневлив и царственен с людьми!	670
Пенф.	Не бойся! Говори! Ты здесь не страдаешь! Нет смысла свирепеть из-за правдивых слов. Чем больше ты всего расскажешь про вакханок, тем строже я смогу вождя их наказать, который волшебством порабощает женщин!	675

Вест.

Стада моих коров уже почти взошли
на полый склон горы, и жаркое светило
по млеющей земле разбрызгало лучи.
Я женщин увидел, три группы. Автоноя 680
вела одну из них. Твоя Агава-мать
была вождём второй. Ино́ царила в третьей.
Все спали на земле, устав от беготни.
Одни легли спиной на пихтовые ветви,
другим смягчала сон дубовая листва. 685
Всё было чинно там. Напрасно ты считаешь,
что пьют они вино, и прячутся в лесах,
и там под визги флейт Киприду настигают.
Проснулась мать твоя и начала кричать,
среди вакханок встав и сон их прогоняя – 690
услышала она мычанье тучных стад.
И, выронив из глаз роскошную дремоту,
все стройно поднялись – и матери семейств,
и девочки совсем, и дряхлые старухи.
Густой поток волос на плечи уронив, 695
шнуровку подтянув, где нужно, на небридах,
они вязали вновь наряд из пёстрых шкур
верёвками гадюк, лизавших женщин в щёки.
Какие-то из них кормили молоком
(оставшись без детей) волчонка, косулёнка, 700
давая им свою наполненную грудь;
какие-то плели из гибкой повилики,
из дуба, из плюща душистые венки.
А кто-то по скале ударил крепким тирсом,
и брызнула струя блистающей воды, 705
и кто-то на траву поставил гибкий нартекс,
и бог из-под земли пустил струю вина.
Желавшие вкусить и белого напитка
копали рыхлый торф и прямо из него
вкушали молоко. По тирсам плющеносным 710
струился нежный мёд. Увидев это сам,
ты перестал бы, царь, сопротивляться богу
и гневную хулу молитвой бы сменил!
Сошлись поговорить, побыть немного вместе
все наши пастухи овец, коров и коз. 715
Когда о чудесах мы начали рассказы,
из города пришёл бродяга и болтун,
подсел к нам и сказал: «Эй, жители священных
и травоносных гор! Не выловить ли нам
из этих буйных толп Агаву, мать Пенфея? 720
Порадуем царя?» Слова его пришлись
всем нашим по душе. Мы сделали засаду
в раскидистых кустах. Урочный час настал,
взметнулся звонкий тирс, вакханки закружились,
Иакха вознося и Бромия зовя, 725
плод Зевсова бедра! Слились гора и звери,

всё в танце затряслось! Никто не устоял!
 Когда ко мне прыжком приблизилась Агава,
 я на ноги вскочил и устремился к ней
 из пышного куста, где прятался в засаде. 730
 Она как закричит: «Эй, гончие мои!
 Мужчины ловят нас! Быстрее! Хватайте тирсы!
 Бегите все за мной с оружием в руках!»
 А мы помчались прочь от бешеных вакханок,
 иначе всё, конец! Паслись в траве стада, 735
 те бросились на них без палок, без кинжалов!
 Ты их видал бы, царь! Одна телицу рвёт,
 ревущую в тоске, с набрякшими сосцами,
 другие потрошат ещё живых коров!
 Ты рёбра бы видал, взлетающие к небу, 740
 кровавые комки раздвоенных копыт,
 висящих на сосне, уже совсем багряной!
 Рогатые быки, до этого легко
 бодавшие врагов, теперь валились наземь
 от губельных толчков несметных женских рук! 745
 Те женщины быстрее сдирали клочья мяса,
 чем ты, мой господин, смыкаешь веки глаз.
 Потом как стая птиц, от синих струй Асопа
 по вспаханым полям, где пышный урожай
 готовится для Фив, помчались те вакханки 750
 и шумно ворвались, как армия врага,
 в Эритры, Гисии, на склоны Киферона,
 ломая всё вокруг, швыряя и круша!
 Врывались и в дома, грудных детей хватали,
 которые с их плеч не сваливались в грязь, 755
 ещё на их плечах держался без верёвок
 подхваченный металл – железо или медь,
 а волосы цвели огнём неопалимым!
 Ограбленный народ накинудся на них,
 и тут я, господин, узрел такое чудо: 760
 налётчицам копье не наносило ран,
 их не рубил топор ни медный, ни железный, 757a
 но женщины легко увечили мужчин,
 метая тирсы в них, спастись заставляя –
 тут явно некий бог вакханкам помогал!
 Назад они пошли, откуда появились, 765
 к источникам своим, созданьям божества,
 и стали кровь смывать, и слизывали змеи
 с их запотевших щёк растопленный рубин.
 Кто б ни был этот бог, его ты, повелитель,
 в свой город пропусти! Во многом он велик, 770
 и слышал я ещё, что виноградной гроздью,
 смягчающей тоску, он смертных одарил,
 поскольку без вина не будет ни Киприды,
 ни счастья, ни утех для жителей земли!
 Боюсь я говорить с тираном слишком вольно, 775

Хор

	но всё-таки скажу: великий Дионис нимало не слабей любого из бессмертных!	
Пенф.	Уже к нам подступил вплотную, как огонь, вакхический разврат. Какой позор Эллады! Довольно ждать! Слуга! Ты всем, кто носит щит, собраться прикажи у самых врат Электры и всадников зови на быстрых лошадях, пелтастов и стрелков, которые руками натягивают смерть! Отправимся на бой с вакхическим врагом! Терпеть невыносимо весь этот стыд и срам, что женщины творят!	780 785
Дион.	Мои слова совсем тебя не убедили, Пенфей! Прошу, очнись! Меня ты притеснил, но к разуму вернись, немного успокойся и с богом не борись! Ты с полнозвучных гор вакханок не сведёшь! Тебя не пустит Бромий!	 790
Пенф.	Не поучай меня! Ты вышел из тюрьмы, так волей дорожи, а то на цепь вернёшься!	
Дион.	Я жертву бы принёс, не лез бы на рожон и, смертный человек, не воевал бы с богом!	795
Пенф.	А я и принесу! Зарежу всех менад, как требует закон, в долинах Киферона!	
Дион.	Рассеют ваш отряд, и будет стыдно вам, что медные щиты не отразили тирсов!	
Пенф.	Но как же ты болтлив, жилец далёких стран! В оковах, без оков – никак ты не замолкнешь!	800
Дион.	Послушай, милый друг! Не поздно всё вернуть!	
Пенф.	И как же? Стать рабом? Прислуживать рабыням?	
Дион.	Я женщин приведу без помощи мечей.	
Пенф.	Ужасно! Мне опять готовит он уловки!	805
Дион.	Я просто волшебством хочу тебе служить.	
Пенф.	Вы сговорились так, чтоб вечно славить Вакха!	
Дион.	Ты всё и понимай как сговор с божеством.	
Пенф.	Оружие сюда! Закрой свой рот, приятель!	
Дион.	А!	810
	Ты хочешь ли в горах на женщин поглядеть?	
Пенф.	Хочу! И я готов дать золота за это!	
Дион.	Ты что так покраснел? Ты страстью распалён?	
Пенф.	Те женщины пьяны! Мне горько это видеть!	
Дион.	А разве красота не может быть горька?	815
Пенф.	Я просто посижу тихонечко под елью.	
Дион.	Как ни крадись, мой друг, они тебя найдут.	
Пенф.	Всё верно говоришь. Тогда пойду открыто!	
Дион.	Мне отвести тебя? Ты что, уже пошёл?	
Пенф.	Да-да, веди скорей! Мне тошно здесь томиться!	820
Дион.	Ты пеплос-то надень! Почувствуй нежный лён!	
Пенф.	А разве не позор стать женщиной мужчине?	
Дион.	Поберегись, мой друг! Мужчину там убьют!	
Пенф.	Вновь мудрые слова! С утра умом ты блещешь!	
Дион.	Отмерил мне ума великий Дионис.	825

Пенф.	Но как осуществить наш замысел отменный?	
Дион.	Я в дом с тобой войду. Найду тебе наряд.	
Пенф.	Пошитый для кого? Для женщины? Мне стыдно!	
Дион.	Ты разве на менад не хочешь посмотреть?	
Пенф.	Какое же ты мне придумал украшение?	830
Дион.	Я волосы тебе сначала удлиню.	
Пенф.	А дальше? Чем ещё меня ты приукрасишь?	
Дион.	Повязкой головной и пеплосом до пят.	
Пенф.	А дальше? Дальше что? Как ты меня нарядишь?	
Дион.	В небриду попестрей. И тирс тебе найду.	835
Пенф.	Нет-нет! Я не могу как женщина одеться!	
Дион.	Зато ты кровь прольёшь, вакханок разобьёшь!	
Пенф.	Ты прав. Но мы должны отправиться в разведку!	
Дион.	Так лучше, чем бедой улавливать беду!	
Пенф.	Но как уйти в луга украдкой от кадмейцев?	840
Дион.	По улицам пустым. Я поведу тебя!	
Пенф.	Всё выгодней, чем стать насмешкой для вакханок!	
Дион.	Идём-ка во дворец, <найдем тебе наряд!>	843a
Пенф.	<Но только не спеши!> Я сам приму решение!	843b
Дион.	Конечно! Принимай! А я на всё готов!	
Пенф.	Ну ладно. Я пошёл! Надену там доспехи,	845
	а может быть, решу послушаться тебя!	
Дион.	Вот, женщины мои! Он сам заходит в сети!	848
	К вакханкам он пойдёт и кару понесёт!	847
	За дело, Дионис! Я знаю, что ты близко!	
	Злодею отомстим! Своди его с ума,	850
	но только по чуть-чуть! Незамутнён рассудком,	
	он платье ни за что не станет надевать,	
	а, разум потеряв, нацепит что угодно!	
	Пусть высмеет его народ великих Фив,	
	когда он выйдет в путь, по-женски разодетый!	855
	Как он меня ругал, как страшно угрожал!	
	Однако я пойду, надену на Пенфея	
	наряд, в котором он отправится в Аид,	
	виня родную мать! Да, явится злодею	
	сын Зевса, Дионис, напуганнейший бог	860
	в мистериях своих, но для людей – кротчайший!	
Хор	В хороводах, водимых ночью,	
	мне придётся ль ходить когда-то	
	белой ножкой, дрожа от страсти,	
	охлаждая росой шею,	865
	словно юная лань, играя	
	среди зелёных восторгов луга,	
	если лань убежит от бойни,	
	от загонщиков кровожадных,	
	перепрыгнув тугие сети	870
	под охотничий крик, бодрящий	
	свору гончих разгорячённых,	
	уносясь по траве рывками,	

словно ветер, задувший буйно,
на равнину, где блещет речка,
торжествуя в местах безлюдных,
в заплетеньях густого леса? 875

В чём же мудрый и в чём достойный
дар богов для обычных смертных,
как не в том, чтоб с великой силой
шею вражью пригнуть рукою?
Что прекрасно, то нам и мило! 880

Сила божья течёт неспешно,
но вовеки неудержимо,
исправляя природу смертных,
почитающих неразумье,
не желающих делать благо,
утопающих в тёмных мыслях!
Боги прячут разнообразно
величавую поступь жизни,
уловляя людей бесчестных! 885
Нам нельзя ни в делах, ни в мыслях
над законами возноситься,
ведь не нужно больших усилий,
чтобы славить величье бога,
(кем бы он ни решил явиться),
почитая дела благие,
гармоничные для природы! 890
895

В чём же мудрый и в чём достойный
дар богов для обычных смертных,
как не в том, чтоб с великой силой
шею вражью пригнуть рукою?
Что прекрасно, то нам и мило! 900

Тот блажен, кто избегнул шторма
и в спокойную прибыл гавань!
Тот блажен, кто осилил беды
на земле, где друг друга давят
и богатством, и грубой силой! 905
А в несметных сердцах пылают
и несметные ожидания,
кто-то с ними найдёт богатство,
кто-то нищим уйдёт в могилу,
я сочту лишь того блаженным,
кто живёт в каждодневном счастье! 910

Дион. Эй ты, смотрящий вдаль, куда смотреть не надо!
Пенфей, бегущий вскачь, куда бежать не стоит!
Из дома выходи! Явись передо мною,
по-женски разодед! Менадой и вакханкой 915

	лети глядеть на мать и на её отряды! Как всё же ты похож на дочь седого Кадма!	
Пенф.	Мне кажется теперь, что вижу я два солнца! Я вижу двое Фив! Два града семивратных!	
	Ты в облике быка передо мною ходишь, на голове твоей рога произрастают!	920
	Всегда ты зверем был? Обычился ты славно!	
Дион.	Немилостивый бог нам другом обернулся!	
	Ты видишь только то, что требуется видеть!	
Пенф.	Похож я на Инó? Я выгляжу красиво?	925
	Прельстителен ли я, как мать моя, Агава?	
Дион.	Смотрю я на тебя – и вижу их обеих!	
	Но с места своего вот этот локон сбился, хоть я его и сам приладил под повязкой!	
Пенф.	Я головой мотал, как будто я вакханка, по комнатам бродя, вот локон и сместился!	930
Дион.	А мы его возьмём и подоткнём обратно!	
	Теперь я твой слуга! Держи прямее шею!	
Пенф.	Причёсывай меня! Я тоже твой всецело!	
Дион.	Твой пояс ослабел и пеплос распустился!	935
	И складки невпопад на голени упали!	
Пенф.	Ах, точно! Так и есть! Но это только справа!	
	На левой же ноге до пятки пеплос ровен!	
Дион.	Меня ты назовёшь своим ближайшим другом, вакханок увидав, на удивление смирных!	940
Пенф.	А тирс какой рукой держать мне? Правой?левой?	
	Хочу вакханкой стать! Ну прямо настоящей!	
Дион.	Тирс в правой должен быть и двигаться при шаге в такт правой же ноге. Как ты изящно мыслишь!	
Пенф.	Скажи, а я смогу взвалить себе на плечи слоистый Киферон и всех твоих вакханок?	945
Дион.	Ты только пожелай! Ты раньше был безумцем, зато, любезный друг, теперь твой ум что надо!	
Пенф.	А ломы нужно брать? Нет! Гору я поддену рукой или плечом – и подниму руками!	950
Дион.	Прошу тебя, мой друг! Ты храмы нимф не трогай! Дом Пана не круши, где он дудит на флейте!	
Пенф.	Ты дело говоришь! Мы женщин одолеем не силой наших рук! Под елями я скроюсь!	
Дион.	Ты скроешься туда, куда и должен скрыться пришедший наблюдать за толпами вакханок!	955
Пенф.	Я их найду, как птиц, под кронами лесными, щебечущих в сетях наисладчайшей страсти!	
Дион.	Такая цель твоя, достойный страж порядка! Добычею не став, ты точно их добудешь!	960
Пенф.	Веди, веди меня! Открыто, через Фивы!	
	На подвиг я иду, как истинный мужчина!	
Дион.	Один ты тут герой! Один за всех воюешь!	
	Начнётся скоро бой, тебя вполне достойный!	
	Пойдём же! Я с тобой, твой спутник и спаситель!	965

Дион.	Прибудешь ты назад... Пенф. Да! С матерью, конечно!	
Дион.	На обозрение всем... Пенф. Я этого и жажду!	
Дион.	Вернёшься на руках... Пенф. Вот роскошь, право слово!	
Дион.	...у матери своей... Пенф. Ты сердце мне разнежишь!	
Дион.	Я это и люблю! Пенф. Я жребий свой поймаю!	970
Дион.	Да! Страшен, страшен ты! И страшно страдаешь!	
	Но славою своей поднимешься до неба!	
	Агава, мать царя! И сёстры, семя Кадма!	
	Прострите руки ввысь! Героя молодого	
	веду я к вам на смерть! Нам с Бромием победу	975
	доставит этот бой! А что потом – посмотрим!	
Хор	Псы Лиссы! Скорей на гóру бегите!	
	Там сёстры сидят, наследницы Кадма!	
	Разгневайте их! Да будет растерзан	
	идуций туда под женской личиной	980
	глядеть на менад безумец несчастный!	
	Любимая мать увидит, увидит	
	с пустынной скалы, с верхушки сосновой,	
	как прячется он, и крикнет менадам:	
	«Вакханки, кто там? Кто ищет кадмеек,	985
	на гóру взойдя, по склону взобравшись?	
	Кто мать наглеца?	
	Не женщина в муках	
	рожала его, но дикая львица,	990
	одна из Горгон в ущельях ливийских!»	
	Пускай заблестит, взойдёт Справедливость	
	и меч принесёт, чтоб кровью из горла	
	залился наглец, преступник, безбожник,	
	рождённый землёй щенок Эхионов!	995
	Он злобным умом и мыслью неправой	
	твой буйный обряд в честь матери милой	
	порочит, мой Вакх!	
	Выходит он в бой, безумствуя сердцем,	1000
	бросаясь на непобедимого бога!	
	Лишь верная смерть смирит богохульство!	
	Лишь тот, кто живёт, как смертным пристало,	
	не будет разбит невзгодами жизни!	
	Не хочется мне быть самой премудрой,	1005
	но я за другим величьем охочусь,	
	за жизнью благой,	
	всенной, всенóщной,	
	за сердцем, навек отвергшим поступки	
	негодных людей, не знающих бога!	1010
	Пускай заблестит, взойдёт Справедливость	
	и меч принесёт, чтоб кровью из горла	
	залился наглец, преступник, безбожник,	
	рождённый землёй щенок Эхионов!	1015

Явись нам как бык, рогатый, могучий!
Нагрять как дракон, свирепый, стоглавый!
Как огненный лев!
О Вакх, подбеги смеющимся зверем,
петлю затяни на шее злодея,
когда он придёт, ловитель вакханок,
и в толпы менад преступно ворвётся!

1020

ВЕСТНИК <ВТОРОЙ>

О дом, ты так расцвёл на благо всей Элладе!
Тут жил сидонский царь, который и посеял
драконий урожай, налитанный землёю!
Как жалко мне тебя! Я только раб, но всё же
господская беда терзает слуг примерных!

1025

Хор В чём дело? Ты принёс известие от вакханок?

Вест. Безжалостно убит Пенфей, сын Эхиона!

1030

Хор О Бромий-господин! Ты точно бог великий!

Вест. Ты что же говоришь? Ты, женщина, довольна,
что горестной судьбой хозяин мой повержен?

Хор Я, гостя чуждых стран, по-варварски ликую
и больше не дрожу, страшась оков железных!

1035

Вест. Смотри, фиванский град не всех мужчин лишился!

<Следи за языком, а то зальёшься кровью!>

Хор Мной Дионис повелевает,
лишь Дионис, не ваши Фивы!

Вест. Вас можно извинить, но в этот час ужасный
вам, женщины, нельзя так бурно веселиться.

1040

Хор Ты скажи, ты поведай: как умер негодный
начинатель негодных, преступных деяний?

Вест. Оставив позади фиванские селенья
и быстро перейдя Асоповы потоки,
мы поднимались вверх по склону Киферона
(как преданный слуга, я провожал Пенфея),
на зрелище мы шли, а вёл нас чужестранец.

1045

Сперва мы залегли в овраге травянистом,
стараясь не шептать и не шуршать ногами,
нам было видно всё, а нас никто не видел.

1050

Возник росистый дол в тугом кольце утёсов,
глотающий ручьи под сенью пышных сосен,
там круг менад сидел за тихим рукодельем.

Одни густым плющом перевивали тирсы,
которые слегка поникли, пожелтели,

1055

другие пели гимн, перекликаясь громко,
как стайка жеребят без крапчатых уздечек.

А бедный наш Пенфей, желая видеть женщин
получше, говорит: «Отсюда, чужестранец,
не разглядеть менад, безумьем заражённых.

1060

Вон тянет шею ель над самыми холмами,
я на неё взберусь и разгляжу развратниц!»

И чудо сотворил наш спутник чужеземный –

верх ели ухватив, утопленный в лазури,
 он гнул его и гнул, до самой чёрной почвы. 1065
 Круглилась ель как лук, растянутый для битвы,
 как образ колеса, прочерченный струною, –
 так этот горный ствол тянул к земле руками
 чужак. Подобный труд нам, смертным, не по силам!
 Пенфея усадив на ветви этой ели, 1070
 он руки разжимал, неспешно, понемногу,
 следя, чтоб господин случайно не сорвался.
 И распрямилась ель, верхушкой в синь упёрлась,
 а на её хребте сидел мой повелитель,
 менадам всем открыт и видя их отчасти. 1075
 Едва он всплыл в лазурь, сидящий на макушке,
 как иноземец наш куда-то испарился
 и кто-то закричал из ясного эфира,
 наверно, Дионис: «Я к вам привёл, подруги,
 того, кто вас, меня и все мои обряды 1080
 насмешкам подвергал! Карайте нечестивца!»
 Пока он говорил, меж небом и землёю
 поднялся белый столп священного пыланья.
 Совсем затих эфир, в долине перестала
 пошёптывать листва, и замолчали звери. 1085
 Вакханки поднялись и стали озираться,
 ещё не уяснив, что́ говорил им голос.
 Он снова зазвучал. Теперь семейство Кадма
 услышало вполне благие речи Вакха
 и стройно понеслось, не медленней голубок, 1090
 блестя рядами ног в упругом, лёгком беге, –
 Агава, мать царя, и с ней родные сёстры.
 По мощным валунам и по ручьистым долам,
 пылая божеством, запрыгали вакханки.
 Увидев же царя, сидящего на ели, 1095
 они в него сперва булыжники швыряли,
 взобравшись на скалу, стоящую напротив,
 и метили в него еловыми ветвями,
 метали тирсы ввысь, желая сбить Пенфея,
 несчастную мишень, – однако безуспешно. 1100
 Огромной высотой спасён от их усердия,
 бедняга наш сидел, беспомощный, дрожащий,
 а те свалили дуб, и обломали сучья,
 и били каждым в ель, как ломом нежелезным.
 Когда же взяли в толк, что это бесполезно, 1105
 Агава говорит: «Менады! В круг вставайте,
 качайте стебелёк! Сидящего там зверя
 стряхните поскорей, чтоб тайные обряды
 он всем не разгласил!» И сотни рук немедля
 схватили крепко ель – и вырвали из почвы! 1110
 Пенфей вниз головой свергается на землю
 с немалой высоты, без умолку стелая
 и чувствуя вблизи стремительное горе!

Родная мать его, как правящая жрица,
 убийство начала. С волос повязку сбросив, 1115
 он громко заклинал несчастную Агаву
 не убивать его. Щёк матери касаясь,
 он плакал, он молил: «Не надо! Мама! Мама!
 Я сын твой! Это я! Пенфей, сын Эхиона!
 Ах, сжался надо мной! Я ошибался, мама! 1120
 Не убивай меня, ведь я твой сын любимый!»
 Она же, изо рта пуская струи пены,
 кося зрачками глаз, тех слов не понимала,
 рассудка лишена и одержима Вакхом!
 За левую ладонь она схватила сына, 1125
 под рёберную клеть потом ногой упёрлась
 и выдрала плечо – не собственной силой,
 но это бог придал её рукам проворство.
 Ино́ же занялась другою стороною,
 растерзывая плоть, и с нею Автоноя, 1130
 и вся толпа менад! Гора тряслась от крика,
 и бедный царь стenal, и женщины вопили,
 пока он был живым. Та руку тащит, эта –
 обутую ступню. Ободранные рёбра
 белеют и блестят – и, все в крови, вакханки 1135
 друг другу, точно мяч, Пенфеев труп кидают!
 Растащен весь мертвец: кусок – на горном склоне,
 кусок – в густом лесу. Собрать его непросто!
 И получилось так, что голову страдальца
 схватила мать его и тут же насадила 1140
 на тирс, вообразив, что это лев пещерный
 лишился головы! Своих сестёр оставив
 плясать в кругу менад, она по Киферону
 спускается сюда, гордясь добычей страшной,
 подходит ко дворцу и громко кличет Вакха, 1145
 напарника её, помощника в охоте,
 победою своей добывшего ей слёзы!
 Пойду-ка я теперь, пока здесь нет Агавы,
 я не хочу опять увидеть этот ужас.
 Воздержанная жизнь и богопочитанье – 1150
 вот высшие благá! Я думаю, что в этом
 наимудрейший дар и достоянье смертных!

Хор

Давайте плясать и Вакху служить,
 давайте кричать, шуметь, ликовать,
 что сгинул Пенфей, драконий щенок, 1155
 укрывший себя под женский наряд
 и нартекс тугой поднявший, как тирс,
 надёжной тропой ступая в Аид
 под взором быка, зачинщика бед!
 Кадмейский народ, вакханки мои! 1160
 Победная песнь у вас на губах
 слезами течёт, рыданьем звучит!

Достойнейший труд – родное дитя
 убить, обхватить кровавой рукой!
 Подруги, вижу я, как шествует к воротам,
 кося безумный глаз, Агава, мать Пенфея. 1165
 Готовьтесь к торжеству вакхического бога!

АГАВА

Азийские вакханки! Хор Что хочешь ты, подруга?
 Аг. Несу я с гор высоких
 плющ, срезанный недавно, чтоб мой дворец украсить,
 отрадную добычу! 1170
 Хор Всё вижу, понимаю! Ты – наша, дорогая!
 Аг. Я львёночка поймала, сыночка <львицы горной>,
 вот этими руками, сетей не расставляя!
 Смотрите же, смотрите! 1175
 Хор А где? В какой долине?
 Аг. Наш Киферон высокий... Хор Ты «Киферон» сказала?
 Аг. ...его лишил дыханья!
 Хор А зверя кто ударил? Аг. Я первая! За это
 зовусь я в хороводах счастливою Агавой! 1180
 Хор И кто же был с тобою? Аг. Рождённые от Кадма...
 Хор От Кадма, говоришь ты? Аг. ...мои родные сёстры!
 За мной, за мной на зверя они гурьбой помчались!
 Прекрасная охота!

На пиршество идите! Хор Куда идти, бедняжка?
 Аг. Такой телёнок мягкий! 1185
 Раздался нежным цветом пушистый подбородок
 под шлемом завитушек!

Хор Да, правда! Что за грива! То зверь, живущий в поле!
 Аг. Великий Вакх-охотник, наш гордый предводитель,
 премудростью своею толпу менад направил,
 и мы забили зверя! 1190

Хор Наш вождь – великий ловчий!
 Аг. Я славно поступила? Хор Конечно! Молодчина!
 Аг. Увидят все кадмейцы...
 Хор И твой Пенфей любимый! Аг. Он мать свою похвалит
 за то, что я убила ребёнка львицы злобной! 1195
 Хор Чудесную добычу! Аг. И взятую чудесно!
 Хор Ты рада? Аг. Я ликую! Я подвиг совершила,
 невероятный подвиг, великий-превеликий,
 сегодня на охоте!

Хор Несчастливая моя, ты покажи всем людям,
 какой ты принесла трофей победоносный! 1200
 Аг. Эй, доблестный народ, защитник стройных башен
 и обитатель Фив! Смотри, что за добыча
 забита дочерьми, рождёнными от Кадма!
 Не дротики с ремнём, орудье фессалийцев, 1205

	свершили это всё, и не тугие сети, но пальцы наших рук, белеющих локтями! Зачем у мастеров заказывать нам копья? Зачем нам их метать? На части разорвали мы зверя просто так, вот этими руками!	1210
	Где мой старик отец? Пускай придёт скорее! А где Пенфей, мой сын? Пусть лестницу прихватит, да только подлинней, взберётся по ступенькам со львиной головой, охотничьим трофеем, и там её гвоздём к тригліфам приколотит!	1215
Кадм	Эй, следуйте за мной! Пенфея выносите, ваш безотрадный груз! Идите, слуги, к дому! Все горы исходив, теперь несу я внука, которого нашёл в долинах киферонских и по кускам собрал! Везде он находился, во всём глухом лесу, а не в одном лишь месте!	1220
	О милых дочерях, о страшном их поступке услышал я рассказ, когда мы в этот город с Тиресием седым вернулись от вакханок. На гору я пошёл – и вот несу оттуда труп внука моего, попавшего к менадам.	1225
	Я видел там Инó, а также Автоною, которой Актеон рождён от Аристея. Страдалицы кричат и прыгают по роще, Агава же сюда вакхической стопою, пошла, мне говорят. Правдивы эти слухи!	1230
Аг.	Я вижу дочь мою! Но я не рад нисколько! Любимый мой отец! Пора тебе гордиться своими дочерьми, затмившими всех смертных!	1235
	Мы все так велики! Но я – достигла неба! Прочь кросна, челноки! Дана мне волей бога возвышеннее цель – зверей ловить руками!	
	Смотри-ка! Я держу, как сам ты ясно видишь, победный мой трофей, и мы его повесим на доме! Да, отец! Возьми добычу в руки, возвеселись душой, гордись моим уловом, зови друзей на пир! Ты в нас обрёл блаженство!	1240
Кадм	Блаженство, мой отец! Мы подвиг совершили! Какая в сердце скорбь! Невидимое горе! Усильем жалких рук свершённое убийство!	1245
	Ты потчуешь богов такой прекрасной жертвой, меня зовёшь на пир, и приглашаешь Фивы! Как будешь ты страдать, и я с тобою вместе!	
	Нас Бромий покарал за дело, но чрезмерно, хотя он был рождён вот в этом самом доме!	1250
Аг.	Как старость у людей брюзглива и плюгава! Глаза их так мутны! Эх, стал бы мой сыночек охотником лихим, пошёл бы с мамой в горы, ловил бы там зверей с фиванцами-друзьями!	
	Но нет! Куда ему! Бодается он с богом!	1255

	Отец, пойдй к нему! Поговори с ребёнком!	
	Кто вызовет его, чтоб он полюбовался,	
	сыночек мой родной, победой материнской?	
Кадм	Ах, горькая беда! Когда бы вы постигли	
	плоды своих же дел, как стали бы вы плакать!	1260
	Но, люди, вы всегда собою остаётесь,	
	навекы лишены и счастья, и несчастья!	
Аг.	Ну что ты помрачнел? Ты чем-то недоволен?	
Кадм	Сначала посмотри на небо голубое.	
Аг.	Пожалуйста, смотрю! Что нужно там увидеть?	1265
Кадм	По-твоему, оно никак не изменилось?	
Аг.	Оно теперь светлей. Наверное, прозрачней.	
Кадм	Ну а твоя душа? Трепещет, как и прежде?	
Аг.	Ты странно говоришь. Я будто просыпаюсь,	
	из головы моей поразбежались мысли.	1270
Кадм	Послушаешь меня? Ответишь мне разумно?	
Аг.	Забыла я, отец, про что мы говорили.	
Кадм	В чей дом явилась ты под пенье гименеев?	
Аг.	Ты вроде выдал дочь за спарта Эхиона.	
Кадм	Кого ты родила для мужа в этом доме?	1275
Аг.	Пенфея. Мой супруг – его родитель кровный.	
Кадм	Чья это голова, которую ты держишь?	
Аг.	А это горный лев, охотницы сказали!	
Кадм	Ещё раз посмотри! Для глаз мала работа!	
Аг.	Ой, что же я держу? Чего же я касаюсь?	1280
Кадм	Внимательно гляди, с глубоким постижением!	
Аг.	Смотрю в глаза беды! Как плохо мне, как тошно!	
Кадм	Ну разве это лев? Ты вправду так считаешь?	
Аг.	Я, бедная, гляжу на голову Пенфея!	
Кадм	Оплаканного мной до твоего признанья!	1285
Аг.	Но кто его убил? Как он попал мне в руки?	
Кадм	Да, правда, ты горька! И поздно ты приходишь!	
Аг.	Немедленно ответь! Иначе лопнет сердце!	
Кадм	Погублен он тобой и сёстрами твоими.	
Аг.	Но где же он погиб? Неужто в нашем доме?	1290
Кадм	На той горе, где псы сожрали Актеона.	
Аг.	Зачем на Киферон поднялся мой сыночек?	
Кадм	Позорить божество и тайну вакханалий!	
Аг.	А почему и мы на склоне оказались?	
Кадм	Вы были не в себе. Взбесились, как весь город.	1295
Аг.	Теперь я поняла! Мы жертвы Диониса!	
Кадм	На вас обижен бог, что вы его не чтили.	
Аг.	А тело где, отец? Где мой сыночек любимый?	
Кадм	Его мы принесли, найдя с трудом немалым.	
Аг.	Всё собрано, скажи? Вы все сложили части?	1300
<Кадм	Нет, милая моя. Всё смешано ужасно.	
Аг.	Нам надо всё собрать! Не медля ни минуты!	
Кадм	Конечно, соберём. И вымоем водою.>	
Аг.	Насколько же Пенфей делил моё безумье?	
Кадм	Он стал подобен вам, не почитая бога,	

	и бог спаял всех нас единственным несчастьем, и вас, и вот его, чтоб дом наш уничтожить, да и меня, ведь я, без сыновей оставшись, гляжу, бедняжка дочь, как плод родного чрева упал в такой позор, погиб так безобразно! Возлюбленный мой внук! Сын дочери любимой! Тобой прозрел наш дом, и ты держал нас вместе! Ты город устрашал! Никто мои седины не думал оскорблять, имея пред глазами великий облик твой, боясь достойной кары! Потеряна вся честь! Я скоро изгнан буду, великолепный Кадм, посеявший фиванцев, как дивный урожай, в распаханную землю! Отрада глаз моих! Пускай теперь ты мёртвый, но я тебя люблю, мой внук великолепный! Ты к бороде моей уже не прикоснёшься, мой мальчик дорогой, и не обнимешь деда, не скажешь: «Мой родной! Кто здесь тебя тревожит? Кто оскорбил тебя? Кто сердце опечалил? Ты, дедушка, скажи! Я проучу злодея!» Теперь несчастен я, и ты страданье принял, и мать убита злом, и весь наш род загублен! И если кто-то есть, кто презирает небо, пусть, видя эту смерть, богов зауважает! Я сожалею, Кадм! Но внук твой эту кару сам вызвал на себя, а ты теперь страдаешь!	1305
Хор	Отец, ты видишь сам, как жизнь переменилась, как я превращена из радостной менады в измученную мать, рыдающую горько, *несчастлива я теперь, а ведь была счастливой*! И что же делать мне? Как я смогу постигнуть злодейство рук моих? Как пережить всё это? Сыночек дорогой, несчастный мой ребёнок, растерзанный толпой взбесившихся вакханок! *Они тебе, сынок, не вырыли могилу! Как с дерева тебя спускала я на землю? Куда тебя мне класть, в какой закрыть гробнице? Как тело завернуть? Какой мне выбрать пеплос?*	1310
Аг.	Как больно, боже мой! Всё сердце плещет болью, она меня трясёт и сдавливает горло, *чтоб я из тьмы души мелодию исторгла, целуя этот плод, моей рукой взращённый!*	1315
	Но как же целовать? Он весь в словых иглах и глиною покрыт, и заскорузлой кровью! *И как его прижать к моей груди несчастной, как плакать по нему? Какую петь молитву?*	1320
	Узнать я не могу любимого сыночка в смешении костей, и синих вен, и мяса! Но вместе я сложу возлюбленное тело, ему я возвращу подобье жалкой жизни,	1325
		1329

скажу, что он заснул под алым покрывалом!
 Мы встретимся опять, *хоть это для умерших
 не может послужить счастливым утешеньем! *
 Хор Страдалица моя! Не надо так метаться!
 Не первая ты мать, утратившая сына!
 Аг. *Давай, старик отец, мы голову приладим,
 блаженную втройне! Выносливое тело
 обратно соберём! Приложим все старанья!
 Любимое лицо! И щёки молодые!
 Я голову твою накрою покрывалом,
 а тело, всё в крови, в глубоких рвах царапин,
 израненное сплошь, одену в новый пеплос! *
 Родимое лицо, ты нам не улыбнёшься
 и губ не разожмёшь, кровавых, бледно-синих!
 Ты что-нибудь скажи, молю тебя, сыночек!
 Пожалуйста, скажи, что ты меня прощаешь
 и маму подождёшь за неизбежной дверью!
 Вы, руки белые, наполненные силой,
 вам больше не обнять родную вашу маму!
 Я верила всегда, что вы меня сведёте,
 когда наступит срок, в безмолвную гробницу!
 Вы, ноги крепкие, как вы легко ходили
 по нашему дворцу! Но вы не отведёте
 на пристань мать свою, где ожидает лодка,
 пропахшая смолой глухого подземелья!
 Сыночек мой родной, внутри меня ты бился,
 и полнился душой, и отвечал толчками
 на ряд мужских имён, а я их повторяла,
 искала для тебя прекраснейшее имя –
 и вот нашла, нашла! Зачем же я внимала
 пленительным словам безумного бродяги!
 *Зачем я подняла руками эту пакость, *
 вот этот грязный тирс! Какой теперь он хрупкий!
 И можно ли сказать, что он совсем недавно
 кромсал и убивал? Как можно так забыться,
 чтоб сына не узнать? Я чудище! Я мерзость!
 Ни львица с диких гор, ни злобная волчица,
 ни гидра из пруда, клубок узлов поганных,
 не станут раздирать своих детей на части!
 А я ведь человек! Не гидра, не гиена!
 Куда меня несло? Нет-нет! Не постигаю!
 Так бог меня смутил, и умертвил мой разум,
 и в голову налил тягучего дурмана,
 бессовестный чужак... Хор Молчи, молчи, Агава!
 Не проклинай богов! Аг. ...желающий насилья
 и пьющий кровь детей! Хор Не навлекай проклятье
 на этот славный дом, уже и так несчастный!
 Аг. Ему-то всё равно, кто верит, кто не верит!
 Он всех людей разит, калечит, убивает!
 Ах, если б я могла себя порвать на части,

с ребёнком дорогим в одно смешаться тело!
 Хор Приди в себя, безумная!
 Аг. Почему мои руки такие слабые, почему?
 Хор Остановись, опомнись!
 Аг. Только волосы, только волосы могут они выдирать!
 Вся сила ушла, ушла!
 Дионис, ты на всё способен! Ты превращал меня
 в зверя кровожадного, так преврати в мужчину
 хоть на мгновенье! Чтоб я самой себе скрутила шею!
 Отец, дай меч, прошу тебя! Дай что-нибудь,
 любое оружие, хотя бы верёвку! Отец!
 Я не могу терпеть эту боль, не могу!
 Хор Каadm, сделай что-нибудь! Она убьёт себя!
 Лишился внука ты. Хотя бы дочь спаси!
 Каadm Агава, успокойся. Перестань рыдать.
 Отца погубишь. Я уже едва держусь.
 Аг. Отец мой дорогой! Что делать? Посоветуй!
 Каadm Терпеть, как я терплю. Все смертные страдают.
 Не лучшая судьба нам от богов досталась.
 Аг. Но мне никак нельзя перенести такое!
 Я всё уже *взяла*. Мне больше не по силам.
 Каadm Не отягчай беду ещё одной бедою.
 Ты всё же дочь моя. Держи себя достойно
 и не позорь отца, который был героем,
 и Фивы основал, и разрубил дракона!
 Хор Старик, ты молодец! И говоришь прекрасно!
 Пускай придёт в себя! Не уважают боги
 ни слишком долгих слёз, ни лишнего веселья!
 Каadm Наказан был Пенфеем. Мы – смертные, не больше.
 Нет права у людей судить богов могучих,
 и нам дары богов даются так, что можно
 их сразу потерять, нарушив благочестье.
 Я раньше был царём, имел такого внука!
 И вот, всего лишён. Конечно, по заслугам.
 Я с участью своей навеки примирился,
 *когда Пенфеев труп, растерзанный, багровый,
 сюда любовно нёс. Пойми, как я страдаю.
 Пусть каждый человек, увидев нас, постигнет,
 что Дионис рождён самим великим Зевсом!*
 Хор А вот и Дионис! Он проступает в небе,
 над крышею дворца! Молчите и внимайте!
 Дион. Ты вовремя, старик, смирил свою Агаву,
 иначе бы она так тяжело пострадала,
 что нынешняя скорбь ей счастьем бы казалась!
 Не терпит божество, когда его ругают,
 и редко на земле стареет богохульник.
 Меня ты не почтил, фиванский славный город,
 не захотел принять родного сына Зевса,
 за это всё кнутом верховного возмездья
 сегодня ты почтён и карой справедливой.

Хоть многие из вас мне сразу поклонились,
я всё же не забыл, как вы меня честили,
*как сплетничали вы, кощунственно и лживо,
что мой родной отец – какой-то проходимец,
а я не потерпел такие оскорбления!*

Отец мой, высший бог, был милосерден с вами,
не мне его судить за эту благосклонность.
Он ваш бесспорный бог, хотя вы совершили
ужасные дела, его родного сына
в темницу заточив! Какой венец нечестья!
Теперь я предреку, что всех вас ожидает,
в правдивости моей не стоит сомневаться!
Ваш город возрастет и облечется славой,
но не дано ему главенствовать в Элладе,
он будет разорён, познает он упадок
за то, что не признал вакхического бога!
Я вашего царя уже столкнул в погибель,
а ты послушай, Каdm! И ты, Агава, слушай!

*Он теми был казнён, кто был ему всех ближе,
избит, и оскорблён, и путами обвязан.
Так поступил народ, извечно им любимый,
так злобно был убит любезный благодетель,
однако он страдал не вовсе неохотно.
Не скрою я тех бед, что ваш народ раздавят,
и я не умолчу о будущих несчастьях.
Родной покинув дом, он станет поневоле
меж варваров рабом и беженцем бесправным.
Его погонит бог по варварским пределам,
тревожа и копьем, и горем бесконечным.
Всеобщий наш отец принудит всех злодеев
забыть свою страну и заплатить за скверну
тому, кто был убит их яростной рукою,
им больше не видать своей отчизны милой,
нельзя убийцам быть в одной стране с убитым!
Рассеется народ по многим государствам,
влача ярмо рабов, отверженных созданий!*

А стонущая мать, родившая Пенфея,
пускай уходит прочь, в далёкое изгнание,
ей больше не видать родных фиванских башен,
блистающих огнём живительного солнца!
Сегодня свершено ужасное злодейство –
убила сына мать, охвачена безумьем!

Растерзанный толпой, среди камней он умер,
по глупости своей придя в глухую чашу.
Убившая должна покинуть этот город,
забрав своих сестёр, пособниц преступленья!

*Тот жалкий человек, чей труп ты обнимаешь,
Агава, захотел священным вашим пляскам
препятствие создать! Но был Пенфей* бессилен
обряды прекратить *нечестием* бесстыдным!

	Пусть каждый человек, *боящийся увидеть возвратный свет* лучей, струящихся от бога, о будущем своём серьёзно поразмыслит! И ты послушай, Кадм, когда-то величавый! Ты сам передо мной ни в чём не провинился, но ты – глава семьи, настолько полной скверны, что нужно и тебе подвергнуться бесчестию. Твой милый внук, Пенфей, нанёс мне оскорбление *и наглостью своей себя же уничтожил*, когда на божество оружием замахнулся! Ты знаешь сам, старик, что это не простится, ты должен заплатить за преступление внука,> приняв змеиный вид. Змеёю также станет	1330
	Гармония твоя, дочь славного Ареса, с которой венчан ты, хотя ты просто смертный. На колеснице вы, быками запряжённой, как Зевс установил, поедете сражаться и варварскую рать вести по всей Элладе.	1335
	Разрушив города и Локсиев оракул, бойцы домой пойдут, но путь их будет горьким. Арес тебя спасёт с Гармонией твоею и в край переселит бессмертный и блаженный.	1340
	Я это говорю, сын пламенного Зевса, не смертного отца, сам Дионис великий! Вы не хотели жить счастливо и разумно, союзником своим считая сына Зевса!	
Кадм	Прости нас, Дионис! Тебя мы оскорбили!	
Дион.	Познали вы меня, но только слишком поздно!	1345
Кадм	Мы это признаём, но ты жесток не в меру!	
Дион.	Я бог, а вы со мной так нагло поступили!	
Кадм	Но боги не должны, как смертные, сердиться!	
Дион.	Отец мой, славный Зевс, поступок мой одобрил!	
Кадм	Ай-ай! Ну всё, старик! Теперь тоска изгнания!	1350
Дион.	Что медлите вы тут? Судьбы не избежите!	
Кадм	Да, доченька моя! Всех нас беда постигла, <и внука>, и тебя, и всех сестёр любимых, и бедного меня! Пойду я в край далёкий бесправным стариком! И мне ещё велели в Элладу напустить смесь варварских отрядов! Гармонию мою, дочь славного Ареса, я в облике змеи, сам змеем обращённый, в Элладу приведу, сметая жалом копий гробницы, алтари! Несчастный, не закончу вовсе я страдать, и Ахерон, текущий в подземные края, меня не успокоит!	1355
Аг.	Прощай, родной отец! Я ухожу в изгнание!	
Кадм	Лебёдушка моя! Зачем ты обнимаешь никчёмного отца, как лебедя седого?	1360
Аг.	Куда же мне пойти, утратив край родимый?	
Кадм	Не знаю! Твой отец – плохой советчик, дочка!	1365

Аг.	Край родимый! Мой город любимый! Всё, прощайте! К мучительной жизни ухожу я из дома!	1370
Кадм	До свиданья, дитя! Аристея <ты разделишь судьбу на чужбине!>	
Аг.	Ах, отец мой! Кадм Ах, бедная дочка! И по сёстрам твоим я рыдаю!	
Аг.	Вот какой отвратительной пыткой Дионис-повелитель весь твой дом злополучный карает!	1375
Дион.	Я ведь тоже от вас натерпелся, не найдя почитания в Фивах!	
Аг.	До свиданья, отец! Кадм Что ж, удачи, хоть удачи тебе не увидеть!	1380
Аг.	Эй, подруги! Скажите, где сёстры? Поведу я страдалиц в изгнание! Я отправлюсь на новое место, где нечистого нет Киферона, где меня он вовек не увидит, не напомнит мне тирсом о горе! Пусть другие там пляшут вакханки!	1385
Хор	Много в мире обличий божественных, много делают боги нежданно, ожидаемое не исполнилось, бог же выбрал дорогу к неожиданному, и на этом всё дело закончилось.	1390

Брисбен, 29.08.2010–2.05.2011

Полная переработка: Брисбен, 27.02–31.03.2020

Шлифовка текста: 22.01–02.02.2022; июнь 2022; декабрь 2022; февраль 2025; 09.2026.